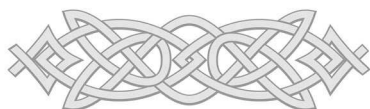
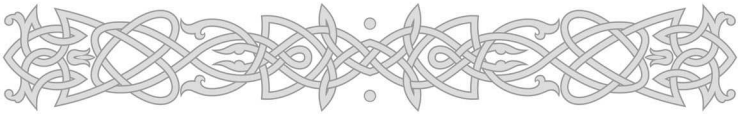
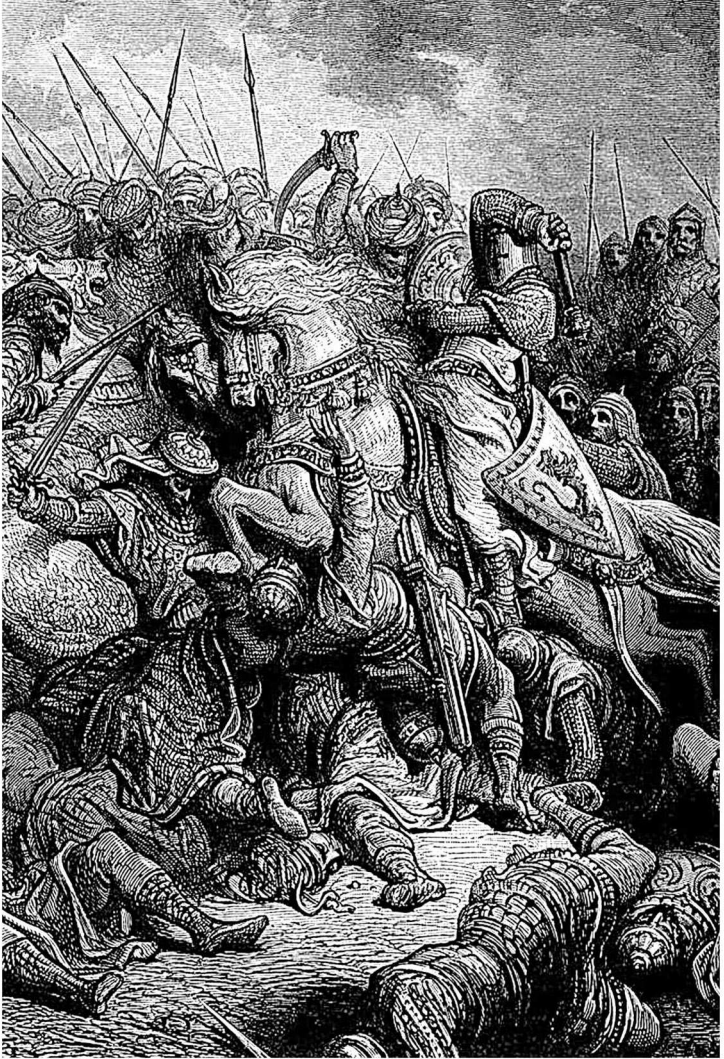
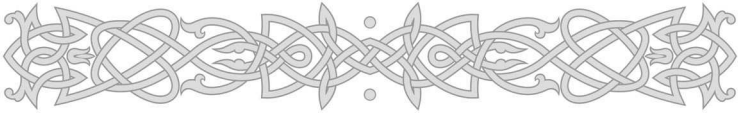
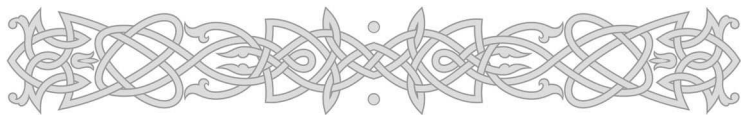

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

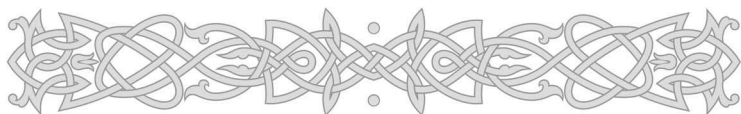
МИХАИЛ ЗАБОРОВ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

МОСКВА
2022

ЯУА

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4
3-12

В оформлении обложки использована
гравюра Густава Доре «Битва при Арсуфе»

Заборов, Михаил Александрович.

3-12 Крестовые походы / Михаил Заборов. — Москва :
Эксмо : Яуза, 2022. — 416 с. — (Эпоха Средневековья).

ISBN 978-5-04-168325-2

Почему европейские монархи, рыцари, беднота и дети под влиянием проповедей и слухов шли на Восток? В эпоху Средневековья, западноевропейское рыцарство, вдохновленное католической церковью, отправилось в Палестину для освобождения от мусульман Святой земли, где по преданию страдал Иисус Христос. Это движение получило название Крестовых походов, которые стали самыми кровопролитными религиозными войнами XI–XIII вв. Фанатичное движение христиан на Восток вскоре трансформировалось в серию захватнических войн.

Книга известного отечественного историка-медиевиста Михаила Заборова (1920–1987) увлекательно рассказывает о всех Крестовых походах на Восток. Автор описывает схватку европейских армий с мусульманами в Малой Азии, Сирии, Палестине, Египте, рассматривает причины зарождения крестоносного движения, влияния на него католической церкви и различные формы участия европейцев в походах, образование христианских государств и военно-монашеских орденов на Востоке. Большое внимание в книге уделяется и конфликтам среди крестоносцев, их противостоянию с венецианцами и византийцами, взятию Константинополя и победителям крестоносцев – туркам-сельджукам.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-04-168325-2

© Заборов М.А., наследники, 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОБНАЖИВ МЕЧИ
(ПРЕДИСЛОВИЕ)

*Мечи обнажив, рыскают франки по городу.
Они никого не щадят, даже тех, о пощаде кто молит...
Падал неверных народ под ударами их, как
Падают желуди с дуба гнилые, когда
Ветви его трясут.*

В таких стихах, откровенных и грубо натуралистических, явно проникнутых враждебностью к «народу неверных», рассказывает средневековый историк – со слов очевидцев – о жестокостях, которые крестоносцы чинили в Иерусалиме, взятом ими летом 1099 г.

Кем же были эти «франки», обнажившие тогда мечи против «неверных»? Во имя каких целей проявляли они свою жестокость и неумолимость? Что за идеалы их воодушевляли? Соответствовали ли этим идеалам практические результаты войн «франков» в Восточном Средиземноморье, продолжавшихся и после захвата Иерусалима – на протяжении почти двух столетий?

Дать ответ на все эти и многие другие вопросы, которые неизбежно встают перед каждым, интересующимся взаимоотношениями Запада и Востока в феодальную эпоху, – значит рассказать историю так называемых Крестовых походов.

А нужно ли это делать? Разве не говорится о Крестовых походах в школьных и университетских учебниках? Да и зачем воскрешать перед взорами

нынешнего поколения, живущего в век освоения космоса и полетов на Луну, в век электронно-счетных машин и атомыходов, те далекие времена, когда разум человечества только начинал пробуждаться, а души и сердца людей почти целиком находились в плену религиозных чувств? Ведь это такое давнее прошлое! Крестовые походы навсегда канули в Лету, скажет, вероятно, иной читатель, и потому вряд ли имеет смысл вспоминать о них, да еще с большими подробностями...

Подобного рода суждения, как они ни привлекательны на первый взгляд для тех, кто лишен исторической любознательности и старается всячески оправдать ее отсутствие, совершенно неверны. Можно было бы привести много различных доказательств ошибочности нигилистического или полунигилистического отношения к эпохее Крестовых походов. Ограничимся хотя бы самыми элементарными соображениями, лежащими в одной плоскости: Крестовые походы и современная действительность.

Хотя Крестовые походы на Восток принадлежат давно минувшим дням, однако и до сих пор в нашем лексиконе бытуют выражения «крестовый поход», «крестоносцы». Они применяются не только в прямом, историческом, но и в переносном значении, как метафора, как образ, как символ. Зачастую в них вкладывается самый разный смысл — в зависимости от того, кто, когда и для чего их употребляет. В повседневном обиходе (например, в научной, художественной, политико-пропагандистской литературе) с ними связывается прежде всего представление о крайнем религиозном исступлении — фанатизме, некогда породившем невероятные жестокости и послужившем причиной бессмысленного кровопролития и гибели огромной массы людей на Востоке и в Европе. Слепая вера заставляет фанатиков, писал знаменитый вольнодумец XVIII в. священник Жан Мелье, защищать свою религию даже с опасностью для собственной жизни. Поэтому «они все время преследуют друг друга с огнем и мечом... нет такого зверства и жестокости, к которым они не прибегали бы друг против друга под прекрасным и благовидным предлогом

защиты воображаемой истины своей религии». Эти слова, написанные более чем два с половиной века назад, относятся ко всем религиозным войнам, включая и Крестовые походы.

Кроме того, в своем образном значении понятия «Крестовый поход» и «крестоносцы» отождествляются обычно с действиями фанатичных ратоборцев любых реакционных, вовсе не обязательно религиозных идей.

Весной 1974 г. в Португалии произошла революция. Реакционеры, стараясь задуть ее, стали спешно сколачивать «операционные команды защиты западной цивилизации». Эти банды наемников попытались развернуть, как писала коммунистическая печать, своеобразный «крестовый поход» против португальского народа, освободившегося от фашистской тирании.

«Крестоносец из Ширензее» — так была озаглавлена опубликованная в апреле 1976 г. в одной из наших центральных газет корреспонденция, в которой рассказывалось о западногерманском газетном короле Цезаре Шпрингере, бросившем всю мощь своих миллиардов в пропагандистский Крестовый поход против разрядки международной напряженности. «Организуя сегодня Крестовые походы средств массовой информации против Советского Союза и социалистического содружества, — отмечал видный ученый-обществовед К.И. Зародов, — буржуазия адресует не только к народам стран социализма, но и к населению собственных стран».

В августе 1977 г. Всеобщий союз студентов Египта осудил происки реакционных сил, поднявших голову в стране. В заявлении, напечатанном газетой «Аль-Ахбар», было сказано, что реакционеры «в трудные для нашего народа дни развернули Крестовый поход против завоеваний июльской революции 1952 г., которые они пытаются перечеркнуть и предать забвению».

«Крестовым походом «ястребов» назвал американский журналист Гарри Фримен кампанию клеветы против миролюбивой внешней политики Советского Союза, развязанную в США противниками международной разрядки (вроде сена-

тора Генри Джексона и профсоюзного босса Джорджа Мини) летом 1977 г., накануне белградской встречи представителей государств, подписавших в 1975 г. соглашение в Хельсинки. Аналогичным образом определил словесные атаки заокеанских антикоммунистов на СССР ассистент Чикагского университета Ч. Липсон, специалист по международным отношениям: употребляемые при этом «формулировки нравственного крестового похода, — предостерегающе заявил он 19 августа 1978 г. в газете “Нэйшн”, — могут причинить различные неприятности США».

«Альянс крестоносцев», — гласил заголовок заметки в «Правде», сообщавшей в конце ноября 1977 г. о том, как линия политического поведения ультрареакционных лидеров христианско-демократической партии в ФРГ сомкнулась с политическим курсом южноафриканских расистов и чилийской военно-фашистской хунты. Практически, писал автор заметки, присланной из Бонна, те и другие — участники «альянса крестоносцев» против свободы в демократии. «Крестовый поход НАТО в Африке» — в таких словах характеризовала в июне 1978 г. французская печать усилившееся тогда вооруженное вмешательство натовских стран в политическую жизнь Черного континента.

Выражение «крестовый поход» прочно вошло и в язык международной дипломатии. «Тем, кто призывает к организации крестового похода против Страны Советов, следовало бы не забывать, чем заканчивались подобные походы против нашей страны в прошлом. Исторический опыт уже показал несостоятельность подобных расчетов», — указывалось в ноте МИДа СССР, врученной посольству КНР 19 мая 1977 г. для передачи правительству КНР (в связи с принявшей широкие масштабы враждебной Советскому Союзу кампанией китайской пропаганды).

Это лишь несколько примеров исторических метафор, к которым прибегают, чтобы ярче оттенить реакционный характер деятельности особенно упорствующих, яростных врагов мира и социализма, современных крестоносцев, будь

то расисты-куклуксклановцы («крестоносцы в белых балахах»), антисоветчики из американского общества «Крестовый поход за свободу» или собравшиеся в июне 1978 г. в Брайтоне представители военщины и деловых кругов многих капиталистических стран, призвавшие к созданию международного объединения «Синий крест за свободу», призванного субсидировать антикоммунистические акции.

Подчас, впрочем, приходится встречаться и с другим, прямо противоположным осмыслением «крестоносных понятий», когда они обозначают благое, доброе, справедливое общественное дело. Правда, в нашем словаре такое словупотребление — редчайшее исключение, да и то давно уже сделавшееся достоянием истории. Так, в 1918 г., во время Гражданской войны, по призыву большевиков были организованы продовольственные отряды, в чью задачу входило изъятие хлебных излишков, припрятанных кулаками, и распределение зерна среди голодающих рабочих и сельской бедноты. В связи со смелыми действиями одного из таких продотрядов, созданных в Тамбовской губернии, в «Правде» была напечатана статья «Крестовый поход»: под Крестовым походом имелись в виду революционные акции отважных продотрядовцев, которые, защищая дело социалистической революции, не щадили своей жизни в борьбе с деревенскими мироедами. В дальнейшем, когда историки-марксисты глубже разобрались в истинной сути средневековых рыцарских войн на Востоке, слова «Крестовый поход» у нас перестали применяться в положительном смысле.

Однако в политической публицистике и в художественной литературе Западной Европы и США Крестовые походы продолжали и поныне продолжают истолковываться чаще всего именно как пример бескорыстного, отмеченного искренним воодушевлением служения вполне достойным целям. Иной раз даже прогрессивно настроенные писатели и художники прибегают в своих произведениях к образам и сравнениям, навеянным как раз такого рода устоявшимися представлениями (восходящими к временам романтизма — к началу XIX в.).

Главный герой романа всемирно известного писателя Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», американский демократ, боец интернациональной бригады Роберт Джордан, плечом к плечу с испанскими республиканцами героически сражавшийся против фашистов (дело происходит во время национально-революционной войны в Испании 1936–1939 гг.), по словам писателя, чувствовал себя участником Крестового похода. «Это единственно подходящее слово, — пишет Хемингуэй, раскрывая переживания своего героя перед схваткой с врагом, — хотя оно до того истаскано и затрепано, что истинный смысл его уже давно стерся». И далее он передает душевное состояние бойца-интербригадовца в таких выражениях: Роберт Джордан «испытывал то чувство, которого ждал и не испытал в день первого причастия. Это было чувство долга, принятое на себя перед всеми угнетенными мира, чувство, о котором так же неловко и трудно говорить, как о религиозном экстазе, и вместе с тем такое же подлинное, как то, которое испытываешь, когда слушаешь Баха или когда стоишь посреди Шартрского или Леонского собора и смотришь, как падает свет сквозь огромные витражи, или когда глядишь на полотна Мантеньи, и Греко, и Брейгеля в Прадо. Оно определяло твое место в чем-то, во что ты верил безоговорочно и безоглядно и чему ты обязан был ощущением братской близости со всеми теми, кто участвовал в нем так же, как и ты. Это было нечто совсем не знакомое тебе раньше, но теперь ты узнал его, и оно вместе с теми причинами, которые его породили, стало для тебя таким важным, что даже твоя смерть теперь не имеет значения; и если ты стараешься избежать смерти, то лишь для того, чтобы она не помешала исполнению твоего долга».

Как видим, Хемингуэй иносказательно уподобляет чувства Роберта Джордана переживаниям «борцов за христианскую веру», насмерть бившихся со своими врагами во имя религиозного обета — спасения палестинских святынь.

У замечательного немецкого поэта-антифашиста Бертольда Брехта есть исполненное трагизма стихотворение «Дет-

ский Крестовый поход». Оно было написано вскоре после того, как гитлеровские орды залили кровью Европу. Одной из первых подверглась фашистскому нашествию Польша.

В Польше в тридцать девятом
Кровавая битва прошла,
В руины дома превращая,
Деревни сжигая дотла.
Сестра потеряла брата,
Жена перестала ждать,
Ребенок не мог средь развалин
Родителей отыскать.

Поэт рассказывает страшную легенду о том, как с разных концов растоптанной фашистским сапогом многострадальной польской земли собрались дети-сироты, как они, составив отряд в полсотни человек, двинулись куда глаза глядят, лишь бы избавиться от ужасов обрушившегося на них бедствия — войны:

Они, уходя, мечтают
Дойти до отчизны такой,
Где страхи ночные забыты,
Где вместо войны — покой.

Всех их («тут были католик, нацист, протестант») объединили общее горе и единое стремление: спастись от голода, холода, пуль, снарядов и танков, обрести кров над головой, хлеб и мир. Они брели сквозь пургу, от одного «расстрелянного хутора» к другому, хороня погибающих в дороге товарищей:

Ищут землю, где нет войны никогда,
Где мир поселился вечный,
Все дальше бредут они, и череда
Становится бесконечной.

В конце концов замерзшие и изголодавшиеся дети погибают, не найдя «родины и дороги»...

Стихотворение Брехта звучит гневным и горьким протестом против фашистского варварства и сопутствующей ему войны. Автор символически называет участников похода «крестоносцами». Это сравнение подсказано ему историческими воспоминаниями: когда-то, в Средние века, действительно происходили «детские Крестовые походы»: дети из Франции и Германии, отчаявшись от нужды и голода, отправлялись вместе со взрослыми «спасть» Святую землю от мусульман, надеясь, по внушению церкви, найти там, на далеком Востоке, лучшую долю. Как и те, малыши-«крестоносцы» 1939 г. тоже держали путь на юг; как и те, отроки-«крестоносцы» 1939 г. пали жертвами войны, они нашли в своем походе не спасение, но гибель.

Так или иначе Крестовый поход здесь — понятие, равнозначное чему-то спасительному, оваянному мечтой об избавлении от тягот. Созданные фантазией поэта трагические образы детей, устремляющихся в Билгорай, где нет кровопролития и ужасов голода, обрели новую жизнь на родине Брехта. Летом 1976 г. в Берлине, на выставке детского искусства, среди других экспонатов демонстрировалась выразительная скульптурная группа, вылепленная руками учеников одной из школ Германской Демократической Республики: «Крестовый поход детей (по Брехту)».

Когда свыше тридцати лет назад разразилась холодная война, одним из видных борцов за мир выступил знаменитый виолончелист и композитор каталонец Пабло Казальс. Он написал ораторию на рождественские стихи каталонского поэта Жоана Алаведры и с этой ораторией стал разъезжать по столицам разных стран. Впоследствии он рассказывал американскому писателю Альберту Кану: «В этой музыке я искал средство заставить людей задуматься о тех страданиях, которые терпит человечество, о грозной опасности ядерной войны, о том, что счастье на земле достижимо — стоит лишь всем по-братски объединиться в мирном труде». Свои концертные турне того времени Казальс в воспоминаниях называет «Крестовым походом во имя мира», походом, в котором

единственным оружием ему служила музыка. Таким образом, в этом случае формула «Крестовый поход» тоже употреблена в качестве символа благородного деяния, имевшего своей целью достижение высшего блага — мира.

И все же, как правило, прогрессивным писателям, ученым, деятелям культуры нашего времени такие ассоциации чужды. Напротив, историки, публицисты, политики, находящиеся на службе у господствующих классов Запада и угрожающие реакционным иерархам католической церкви, нередко до сего дня стремятся вкладывать в понятия «Крестовый поход» и «крестоносцы» позитивное содержание. Участники священных войн христианства превращаются под их пером в эталон благородства, выступают воплощением преданности высоким идеалам, образцом самопожертвования, героизма и бескорыстия, якобы обусловленных искренней религиозной верой.

Обоснованны ли попытки оправдать и тем более возвеличить исторические Крестовые походы, изобразить их достойным подвигом западного христианства, подвигом, будто бы оказавшим неоценимую услугу мировой цивилизации? Или это заблуждение, а может быть, даже сознательный обман, придуманный ради прославления завоевателей, прикрывавших свою корысть знаком креста? И не был ли прав великий атеист XVIII в. Поль Гольбах, когда в своем «Карманном богословии» иронически писал: «Крестовые походы — святые походы, организованные по приказу пап с целью освободить Европу от множества набожных мерзавцев, которые, чтобы получить от неба прощение преступлений, совершенных ими у себя на родине, отважно шли совершать новые в чужие края?»

Уже для того хотя бы, чтобы правильно понять действительное положение вещей, необходимо разобраться в событиях многосотлетней давности. Канув в Лету, Крестовые походы не ушли целиком лишь в прошлое: они тесно, пусть и опосредствованно, связаны с современностью, в особенности с идеологическим и политическим противоборством, происходящим на мировой арене. Этим во многом объясняются и не остывающий интерес — как у нас, так и за рубежом — к

религиозным войнам Средневековья, и существующие до сих пор несогласия между историками в понимании Крестовых походов, и многочисленные попытки каждый раз заново освещать их историю с учетом новейших достижений исторического знания. Не случайно в последние годы труды на эту тему появились в большом числе и в социалистических, и в капиталистических, и в развивающихся странах. История Крестовых походов живо занимает умы не только в Европе и в США: о ней пишут и в Азии, и в Африке, и даже... в Австралии. И пишут не ради одного только удовлетворения научной любознательности.

История Крестовых походов, поскольку их непосредственной целью являлись Сирия, Палестина, Египет, издавна манила к себе наряду с учеными также политиков, дипломатов и разведчиков империалистических держав, всех тех, кто верой и правдой помогал монополиям удерживать в колониальном ярме народы ближневосточных стран. Небезынтересно, к примеру, что в бытность свою студентом Оксфорда знаменитый впоследствии английский разведчик Т. Лоуренс, всю жизнь прикидывавшийся «другом арабов», сочинил дипломную работу «Влияние Крестовых походов на средневековую военную архитектуру Европы». Для того чтобы подготовить этот диплом, его автор, специализировавшийся по археологии, побывал в Сирии, где изучил все замки крестоносцев, вернее, сохранившиеся от них руины.

Таким образом, в разработке истории Крестовых походов наука тесно переплетается с политикой. Вот почему в трудах буржуазных исследователей, столь богатых фактами, встречается так много искаженных представлений о той странице средневековой жизни, которая вошла в историю под названием «Крестовые походы».

Предлагаемая вниманию читателя книга не претендует на полноту изложения фактов: для этого она слишком мала. Ее задача — раскрыть в общих чертах события «священных войн» и таким образом помочь уяснению их подлинного характера и истинной сущности.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Крестовые походы на Восток длились без малого двести лет – с конца XI до последней трети XIII в. Это были войны главным образом рыцарства. Свое название они получили оттого, что их участники, снаряжаясь воевать против мусульман (турок и арабов), прикрепляли к одежде – на грудь или плечи – красного цвета матерчатый знак креста, символизировавший религиозные побуждения, цели и намерения воинов: освободить от власти иноверцев Палестину, в представлениях христиан – Святую землю, ибо там, согласно евангельским рассказам, родился, жил и был распят на кресте Иисус Христос, основатель христианской религии.

При этом понятие «Крестовый поход» современникам было вовсе не ведомо. В Средние века такая война обозначалась другими терминами – *peregrinatio* (странствование), *expeditio* (поход), *iter in Terram sanctam* (путь в Святую землю), «заморское странствование», «путь по стезе Господней». Формула «Крестовый поход» родилась уже на рубеже Нового времени. Во Франции, видимо, первым ее употребил придворный историк Людовика XIV – Луи Мэмбур, прямо назвавший свой труд на эту тему «История Крестовых походов» (1675 г.); в Германии, как полагают, выраже-

ние «Крестовый поход» идет от знаменитого просветителя Ф. Лессинга.

Правильно ли, однако, думать, что Крестовые походы в самом деле всегда и для всех имели только те цели, которые в них провозглашались? А если нет, то в чем же подлинные причины беспрецедентного – по размаху и продолжительности – конфликта средневекового Запада с Востоком? Чем были обусловлены агрессивные устремления феодалов Западной Европы в конце XI в.? Какую роль сыграли в тогдашней ситуации христианская религия, владевшая там умами и душами, и католическая церковь, являвшаяся интернациональным центром феодальной системы? Как складывались взаимоотношения католического Запада, с одной стороны, и православного и мусульманского Востока – с другой? Рассмотрение этих трех групп вопросов в их внутренней связи позволит нам понять исторические предпосылки и глубинные истоки «священных войн» европейского рыцарства на Востоке.

1.1. Смутные времена

В XI в. в странах Западной Европы окончательно утвердился феодально-крепостнический строй. В то же время стали появляться и расти города, а вместе с ними начали постепенно развиваться и крепнуть торговые сношения – не только между городом и ближайшей к нему сельской местностью, но и в более широком масштабе: между западноевропейскими (в особенности южнофранцузскими и итальянскими) купцами и купцами таких средиземноморских стран, как Византия, Египет, Сирия. Натуральное хозяйство, которое прежде целиком определяло экономический облик деревенского Запада, теперь мало-помалу отступает. В жизнь феодального общества – и крепостного крестьянства, и рыцарства, жившего плодами его труда, – все более властно вторгаются деньги. В связи с этим изменились уровень и структура практических потребностей обоих классов. Раньше феодалы довольствовались натуральным оброком и барщиной крепостных-сер-

вов. С появлением городов, с развитием торговли аппетиты феодальных сеньоров выросли: они сделались требовательнее — с каждым годом увеличивали поборы, кое-где уже вводили денежные платежи вместо натуральных оброков, что было крайне обременительно для крестьян. При взимании повинностей феодалы чинили полный произвол. И без того жившее в бедности крепостное крестьянство в значительной своей части едва не переступало грани нищеты.

Немаловажным фактором обнищания деревни служили беспрестанные внутренние войны, которые повсюду велись в X–XI вв. на Западе. В то время страны Европы зачастую становились жертвой неурожая, всякого рода стихийных бедствий. Голод принимал временами невероятные размеры. Дело доходило до людоедства; о случаях, когда поедали тела мертвецов, упоминает, например, монах-хронист Радульф Глабер. Особенно частым гостем деревни голод стал в конце столетия — в ту тяжелую пору, которую историки назвали «семь тощих лет». Они непосредственно предшествовали Крестовым походам. Из года в год в хрониках и анналах скупо перечисляются приблизительно одни и те же сведения. 1089 г. монах Сигберт из Жамблу называет «чумным»: эпидемия «огненной чумы» (спырьной болезни), возникавшей обычно в неурожайные годы, принесла мучительную смерть многим жителям Лотарингии, а многих других превратила в калек. В том же году в Северной Германии и в Бранте разразились землетрясения: местами реки вышли из берегов, о чем сообщалось в анналах монастыря Св. Якова и в других хрониках. Сигберт из Жамблу сетовал на увеличение в 1090 г. бесплодия почвы и выражал опасения по поводу «постепенно надвигающегося голода». Немецкий хронист Эккехард из Ауры писал о страшной болезни, которая поразила и людей, и скот в 1092 г. Причинами ее были голод, нехватка продуктов питания и кормов, явившиеся результатом неурожая, в свою очередь вызванного весенними холодами. 1 апреля выпал снег; мороз и лед, по словам Бернольда Сен-Блезского, были словно зимой. В 1093 г. — бури и непогода в Англии: весной — наводнение, зимой — колючий

мороз; все посевы вымерзли. В том году в Германии был собран низкий урожай. Немцы голодали.

Рассказывая о достопримечательных событиях 1094 г., многие хронисты отмечали массовую смертность как следствие повальной эпидемии, охватившей разные страны. В Регенсбурге за 12 недель скончалось 8,5 тыс. жителей; в некоем селении за шесть недель умерло 1,5 тыс., в другом — 400 человек. Из Германии эпидемия перекинулась во Францию, Бургундию и Италию. Обильные осадки снова нанесли сильный урон урожаю. В нидерландских землях наводнения продолжались с октября 1094-го по апрель 1095 г. В Южной Франции и отчасти в Германии голод было затих, но в Северной Франции и в Англии разразился с новой силой. Нормандский монах-хронист Ордерик Виталий (писавший, правда, уже в XII в., но опиравшийся на свидетельства очевидцев, многочисленные документы и житийную литературу более раннего времени) сообщает, что «страшная засуха сожгла траву на лугах; она истребила жатву и овощи и потому произвела ужасный голод»; в 1095 г. «Нормандия и Франция были отягощены великой смертностью, опустошившей множество домов, а крайний голод довел бедствия до последних пределов».

Почти все современные хронисты говорят о большой нужде, царившей на Западе из-за неурожаев, стихийных бедствий, истребительных эпидемий, падежа скота.

Феодальный же гнет все более усиливался. Он вызывал законное возмущение крестьян. Подчас измученные нуждой и голодом земледельцы поджигали и опустошали имения, расправлялись с наиболее ненавистными сеньорами. Чаще, однако, стихийный протест крепостной деревни принимал пассивные формы. Иногда крестьяне целыми селами снимались с насиженных мест и уходили куда глаза глядят. Бегство крестьян — массовое явление в XI в. О нем повествуют грамоты, хроники, жития святых и прочие литературные памятники. Крестьяне искали в бегстве спасения от поборов и вымогательств, от разбойничьих нападений феодальных банд, от лютого голода и губительных эпидемий. Вместе с тем усилились

различные проявления религиозного аскетизма, тяга к уходу в монастыри, к отшельничеству, особенно на протяжении «семи тощих лет», когда по странам Европы распространился настоящий «дух подвижничества». Эта черта общественной психологии низов весьма важна для понимания причин Крестовых походов, она во многом объясняет восприимчивость широких масс к идее религиозного подвига.

Рост религиозных настроений в деревне порождался невыносимыми условиями жизни сервов. Забитые нуждой, придавленные личной зависимостью от сеньора, они были унижены и своей умственной темнотой. Ее всемерно поддерживали католические священнослужители, требовавшие от крестьян долготерпения и покорности господам, внушавшие страх перед геенной огненной. По учению христианства, адские муки ожидали на «том свете» людей строптивых и не послушных властям. Находясь в плену религиозных взглядов, прививавшихся ему с детских лет, темный и невежественный землепашец, который свыкся с нуждой и ничего не видел дальше собственной хибарки, воспринимал социальные и стихийные бедствия сквозь призму своего примитивного мировоззрения. Неурожай, голод, «огненная чума», унесшая в могилу его жену и детей, — все это представлялось ему карой небесной, ниспосланной свыше за неведомые грехи. Отсюда поневоле и возникала мысль, вернее, смутное чувство, что, быть может, избавиться от страданий повседневности нельзя иначе, кроме как умиловитив разгневавшегося Бога. Каким же образом? Прежде всего, совершив какой-либо из ряда вон выходящий, героический — но именно в религиозном смысле — подвиг во «искупление грехов», приняв мученичество за веру!

Так жажда освобождения от гнета сеньора, стремление сбросить цепи серважа и выбиться из нужды получали в утомленном житейскими невзгодами мозгу крестьянина превращенное, искаженное отражение, выливаясь в страстное желание религиозного подвига.

Экономические сдвиги, как уже было сказано, коснулись и господствующего класса. Возможности удовлетворить новые

потребности за счет сервов были крайне ограниченными, и феодалы встали на путь земельных захватов. По всякому, самому ничтожному поводу они затевали бесконечные междоусобицы — файды. Для успешного ведения войн сеньору приходилось содержать множество вассалов-рыцарей, обязанных ему военной службой. За службу нужно было вознаграждать поместьем. Свободные же земли на Западе иссякли. Вот почему многие воинственно настроенные сеньоры заходили в тупик: где приобрести поместья и крепостных, откуда получить средства, которые крепостные были уже не в состоянии предоставить, несмотря на всяческие ухищрения господ?

Положение осложнялось еще и тем, что поместья мелких и средних владельцев все чаще становились добычей магнатов, обычно захватывавших эти поместья во время файд. В итоге на Западе образовалась обширная прослойка безземельных рыцарей. Этому способствовал также установившийся порядок наследования феодалов — майорат (от слова *major* — старший): владения сеньора после его смерти не дробились между сыновьями, а целиком переходили к старшему из них. Остальные же наследовали только движимость — коней, доспехи, оружие, одежду. В семьях феодалов появилось немало обделенных землей младших сыновей — они подчас получали иронические, но вполне соответствовавшие их реальному положению прозвища, становившиеся затем фамильными: «безземельный», «неимущий», «голяк». Заветным стремлением этих отпрысков знати сделалось приобретение поместий. Наиболее доступным способом поправить свои дела рыцари, естественно, считали вооруженное насилие. Поодиночке и шайками принялись они рыскать по соседским и отдаленным землям, нападали на деревни, забирали у крестьян все, что попадалось. Не брезговали рыцари и разбоем на проезжих дорогах. Иные замки стали настоящими разбойничьими гнездами, приютом рыцарских банд. Подчас эти банды осмеливались совершать набеги и на крупные поместья; самой соблазнительной приманкой были богатые владения церквей и аббатств (монастырей).

